

ВЕСЬ АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Портрет

1

Воспоминаний рой, как мошек туча,
Вокруг меня снует с недавних пор.
Из их толпы цветистой и летучей
Составить мог бы целый я обзор,
Но приведу пока один лишь случай;
Рассудку он имел наперекор
На жизнь мою немалое влиянье –
Так пусть другим послужит в назиданье...

2

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностям доселе никогда,
Ни нациям с рук даром не сходило.
Тому теперь, – но вычислять года
Я не горазд – я думаю, мне было
Одиннадцать или двенадцать лет –
С тех пор успел перемениться свет.

3

Подумать можно: протекло лет со сто,
Так повернулось старое вверх дном.
А в сущности, все совершилось просто,
Так просто, что – но дело не о том!
У самого Аничковского моста
Большой тогда мы занимали дом:
Он был – никто не усумнится в этом, –
Как прочие, окрашен желтым цветом.

4

Заметил я, что желтый этот цвет
Особенно льстит сердцу патриота;
Обмазать вохрой дом иль лазарет
Неодолима русского охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,
И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая –
Вот идеал изящества для нас.

Наследники Батыея и Мамая,
Командовать мы приучили глаз
И, площади за степи принимая,
Хотим глядеть из Тулы в Арзамас.
Прекрасное искать мы любим в пошлом –
Не так о том судили в веке прошлом.

6

В своем доме любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На воротах причудливые группы.
Перенимать с недавних стали пор
У дедов мы весь этот милый вздор.

7

В мои ж года хорошим было тоном
Казарменному вкусу подражать,
И четырем или осьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою торчать
Под неизбежным греческим фронтоном.
Во Франции такую благодать
Завел, в свой век воинственных плебеев,
Наполеон, – в России ж Аракчеев.

8

Таков и наш фасад был; но внутри
Характер свой прошедшего столетья
Дом сохранил. Покою два иль три
Могли б восторга вызвать междометье
У знатока. Из бронзы фонари
В сенях висели, и любил смотреть я,
Хоть был тогда в искусстве не толков,
На лепку стен и форму потолков.

9

Родителей своих я видел мало;
Отец был занят; братьев и сестер
Я не знавал; мать много выезжала;
Ворчали вечно тетки; с ранних пор
Привык один бродить я в зал из зала
И населять мечтами их простор.
Так подвиги, достойные романа,
Воображать себе я начал рано.

10

Действительность, напротив, мне была
От малых лет несносна и противна.

Жизнь, как она вокруг меня текла,
Все в той же прозе движась непрерывно,
Все, что зовут серьезные дела, –
Я ненавидел с детства инстинктивно.
Не говорю, чтоб в этом был я прав,
Но, видно, так уж мой сложился нрав.

11

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых;
И я, миров искатель небывалых,
Любил вникать в благоуханье их,
И в каждом запахе индивидуальный
Мне музыкой как будто веял дальной.

12

В иные ж дни, прервав мечтаний сон,
Случалось мне очнуться, в удивленье,
С цветком в руке. Как мной был сорван он –
Не помнил я; но в чудные виденья
Был запахом его я погружен.
Так превращало мне воображенье
В волшебный мир наш скучный старый дом

А жизнь меж тем шла прежним чередом.

13

Предметы те ж, зимою, как и летом,
Реальный мир являл моим глазам:
Учителя ходили по билетам
Все те ж ко мне; порхал по четвергам
Танцмейстер, весь пропитанный балетом,
Со скрипкою пискливой, и мне сам
Мой гувернер в назначенные сроки
Преподавал латинские уроки.

14

Он немец был от головы до ног,
Учен, серьезен, очень аккуратен,
Всегда к себе неумолимо строг
И не терпел на мне чернильных пятен.
Но, признаюсь, его глубокий слог
Был для меня отчасти непонятен,
Особенно когда он объяснял,
Что разуместь под словом «идеал».

15

Любезен был ему Страбон и Плиний,

Горация он знал до тошноты
И, что у нас так редко видишь ныне,
Высоко чтит художества цветы,
Причем закон волнообразных линий
Мне поставлял условием красоты,
А чтоб система не пропала праздно,
Он сам и ел и пил волнообразно.

16

Достоинством проникнутый всегда,
Он формою был много озабочен,
«Das Formlose¹ – о, это есть беда!» –
Он повторял и обижался очень,
Когда себе кто не давал труда
Иль не умел в формальностях быть точен;
А красоты классической печать
Наглядно мне давал он изучать.

17

Он говорил: «Смотрите, для примера
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Венера;

---

¹ Бесформенное (нем.). – Ред.

Так очертанье Вакха создалось;
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем Эрос,
А вот теперь я Аполлоном стану» –
И походил тогда на обезьяну.

18

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что вряд ли мог я этим быть доволен,
Тем более что чувством красоты
Я от природы не был обездолен;
Но у кого все средства отняты,
Тот слышит звон, не видя колоколен;
А слова я хотя не понимал,
Но чуялся иной мне «идеал».

19

И я душой искал его пытливо –
Но что найти вокруг себя я мог?
Старухи тетки не были красивы,
Величествен мой не был педагог –
И потому мне кажется не диво,
Что типами их лиц я пренебрег,
И на одной из стен большого зала
Тип красоты мечта моя сыскала.

20

То молодой был женщины портрет,
В грацьозной позе. Несколько поблек он,
Иль, может быть, показывал так свет
Сквозь кружевные занавесы окон.
Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал локон,
И, полный роз, передник из тафты
За кончики несли ее персты.

21

Иные скажут: Живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть может, так; но каждая в ней складка
Мне нравилась, а тонкая черта
Мой юный ум дразнила как загадка:
Казалось мне, лукавые уста,
Назло глазам, исполненным печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22

И странно то, что было в каждый час
В ее лице иное выраженье;
Таких оттенков множество не раз

Подсматривал в один и тот же день я:
Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор
Кокетство, ласку, просьбу иль укор.

23

Ее судьбы не знаю я поныне:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотине?
Иль, в Питере блестящем рождена,
При матушке цвела Екатерине,
Играла в ломбр, приветна и умна,
И средь огней потемкинского бала
Как солнце всех красою побеждала?

24

Об этом я не спрашивал тогда
И важную на то имел причину:
Преодолеть я тайного стыда
Никак не мог – теперь его откину;
Могу, увы, признаться без труда,
Что по уши влюбился я в картину,
Так, что страдала несколько латынь;
Уж кто влюблен, тот мудрость лучше кинь.

25

Наставник мой был мною недоволен,
Его чело стал омрачать туман;
Он говорил, что я ничем не болен,
Что это лень и что «wer will, der kann!»².
На этот счет он был многоглаголен
И повторял, что нам рассудок дан,
Дабы собой мы все владели боле
И управлять, учились нашей волей.

26

Был, кажется, поклонник Канта он,
Но этот раз забыл его ученье,
Что «Ding an sich»³, лишь только воплощен,
Лишается свободного хотенья;
Я ж скоро был к той вере приведен,
Что наша воля плод предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потел,
Хотел хотеть иное, чем хотел.

---

² Кто хочет, тот может? (нем.). – Ред.

³ Вещь в себе (нем.). – Ред.

27

В грамматике, на место скучных правил,
Мне виделся все тот же милый лик;
Без счету мне нули наставник ставил, –
Их получать я, наконец, привык,
Прилежностью себя я не прославил
И лишь поздней добился и постиг,
В чем состоят спряжения красоты.
О классицизм, даешься не легко ты!

28

Все ж из меня не вышел реалист –
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный лист
Прикроет им небрежность туалета
И пусть Зевес, чья сила велика,
Их русского сподобит языка!

29

Да, классик я – но до известной меры:
Я б не хотел, чтоб почерком пера
Присуждены все были землемеры,

Механики, купцы, кондуктора
Виргилия долбить или Гомера;
Избави бог! Не та теперь пора;
Для разных нужд и выгод матерьяльных
Желаю нам поболе школ реальных.

30

Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты движут просвещение –
Свою к нему способность изошрим
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья,
И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтенье,
Которого так прочно тяжкий плут
Взрывает новь под семена наук.

31

Все дело в мере. Впрочем, от предмета
Отвлекся я – вернусь к нему опять:
Те колебанья в линиях портрета
Потребностью мне стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякий вечер я, ложась спать,
Все думал: как по минованье ночи
Мой встретят взор изменчивые очи?

32

Меня влекла их странная краса,
Как путника студёный ключ в пустыне.
Вставал я в семь, а ровно в два часа,
Отдав сполна дань скуке и латыне,
Благословлял усердно небеса.
Обедали в то время в половине
Четвертого. В час этот, в январе,
Уж сумерки бывают на дворе.

33

И всякий день, собрав мои тетради,
Умывши руки, пыль с воротничка
Смахнув платком, вихры свои пригладя
И совершив два или три прыжка,
Я шел к портрету наблюдений ради;
Само собой, я шел исподтишка,
Как будто вовсе не было мне дела,
Как на меня красавица глядела.

34

Тогда пустой почти был темен зал,
Но беглый свет горящего камина
На потолке расписанном дрожал

И на стене, где виделась картина;
Ручной орган на улице играл;
То, кажется, Моцарта каватина
Всегда в ту пору пела свой мотив,
И слушал я, взор в живопись вперив.

35

Мне чудилось в тех звуках толкованье
И тайный ключ к загадочным чертам;
Росло души неясное желанье,
Со счастьем грусть мешалась пополам;
То юности платил, должно быть, дань я.
Чего хотел, не понимал я сам,
Но что-то вслух уста мои шептали,
Пока меня к столу не призывали.

36

И, впечатленья дум моих храня,
Я нехотя глотал тарелку супа;
С усмешкой все глядели на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застенчивей стал день я ото дня,
Смотрел на всех рассеянно и тупо,
И на себя родителей упрек
Не раз своей неловкостью навлек.

37

Но было мне страшней всего на свете,
Чтоб из больших случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумал о портрете
Иль, хоть слегка, при мне упомянуть.
От мысли той (смешны бывают дети!)
Уж я краснел, моя сжималась грудь,
И казни б я подвергся уголовной,
Чтоб не открыть любви моей греховой.

38

Мне памятно еще до этих пор,
Какие я выдумывал уловки,
Чтоб изменить искусно разговор,
Когда предметы делались неловки;
А прошлый век, Екатеринин двор,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже сам Державин, автор од,
Уж издали меня бросали в пот.

39

Читатель мой, скажи, ты был ли молод?
Не всякому известен сей недуг.
Пора, когда любви нас мучит голод,

Для многих есть не более как звук;
Нам на Руси любить мешает холод
И, сверх того, за службой недосуг:
Немногие у нас рождаются наги –
Большая часть в мундире и при шпаге.

40

Но если, свет увидя между нас,
Ты редкое являешь исключенье
И не совсем огонь в тебе погас
Тех дней, когда нам новы впечатленья,
Быть может, ты поймешь, как в первый раз
Он озарил мое уединенье,
Как с каждым днем он разгорался вновь
И как свою лелеял я любовь.

41

Была пора то дерзостных догадок,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сладок
Бывает платья шелкового шум;
Когда души смущенной беспорядок
Нам не дает смирить прибою дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнакомый.

42

О, чудное мерцанье тех времен,
Где мы себя еще не понимаем!
О, дни, когда, раскрывши лексикон,
Мы от иного слова замираем!
О, трепет чувств, случайностью рожден!
Душистый цвет, плодом незаменяем!
Тревожной жизни первая вежа:
Бред чистоты с предвкусием греха!

43

Внимал его я голосу послушно,
Как лепетанью веющего сна...
В среде сухой, придирчивой и душевной
Мне стало вдруг казаться, что она
К моей любви не вовсе равнодушна
И без насмешки смотрит с полотна;
И вскоре я в том новом выраженье
Участие прочел и ободренье.

44

Мне взор ее, казалось, говорил:
«Не унывай, крепись, настало время –
У нас с тобой теперь довольно сил,

Чтоб наших пут обоим скинуть бремя;
Меня к холсту художник пригвоздил,
Ты ж за ребенка почитаем всеми,
Тебя гнетут – но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой!»

45

«Тебе дано мне оказать услугу,
Пойми меня – на помощь я зову!
Хочу тебе довериться как другу:
Я не портрет, я мыслю и живу!
В своих ты снах искал во мне подругу –
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебе не трудно с бою –
Лишь доверши начатое тобою!»

46

Два целых дня ходил я как в чаду
И спрашивал себя в недоуменье:
«Как средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и уменьье?»
Так иногда лежащего в бреду
Задачи темной мучит разрешенье.
Я повторял: «Спасу ее – но как?
О, если б дать она могла мне знак!»

47

И в сумерки, в тот самый час заветный,
Когда шарманка пела под окном,
Я в зал пустой прокрался неприметно,
Чтобы мечтать о подвиге моем.
Но голову ломал себе я тщетно
И был готов ударить в стену лбом,
Как юного воображенья сила
Нежданно мне задачу разрешила.

48

При отблеске каминного огня
Картина как-то задрожала в раме,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потом, ресницы медленно склоня,
Свой взор на шкаф с узорными часами
Направила. Взор говорил: «Смотри!»
Часы тогда показывали: три.

49

Я понял все. Средь шума дня не смела
Одеться в плоть и кровь ее краса,
Но ночью – о, тогда другое дело!

В ночной тени возможны чудеса!
И на часы затем она глядела,
Чтоб этой ночью, ровно в три часа,
Когда весь дом покоится в молчанье,
Я к ней пришел на тайное свиданье.

50

Да, это так, сомнений боле нет!
Моей любви могущество без грани!
Коль захочу, я вызову на свет,
Что так давно мне видится в тумане!
Но только ночью оживет портрет –
Как я о том не догадался ране?!
И сладостно и жутко стало мне,
И бегали мурашки по спине.

51

Остаток дня провел я благонаравно,
Приготовлял глаголы, не тужа,
Долбил предлоги и зубрил исправно,
Какого каждый просит падежа;
Когда ходил, ступал легко и плавно,
Расположеньем старших дорожа,
И вообще старался в этот день я
Не возбудить чем-либо подозренья.

52

Сидели гости вечером у нас,
Я должен был, по принятой системе,
Быть налицо. Прескучная велась
Меж них беседа, и меня как бремя
Она гнела. Настал насилу час
Идти мне спать. Простившись со всеми,
Я радостно отправился домой –
Мой педагог последовал за мной.

53

Я тотчас лег и, будто утомленный,
Закрыв глаза, но долго он ходил
Пред зеркалом, наморща лоб ученый,
И свой вакштаф торжественно курил;
Но наконец снял фрак и панталоны,
В постелю влез и свечку погасил.
Должно быть, он заснул довольно сладко,
Меня ж трясла и била лихорадка.

54

Но время шло, и вот гостям пора
Настала разъезжаться. Понял это
Я из того, что стали кучера

Возиться у подъезда; струйки света
На потолке забегали; с двора
Последняя отъехала карета,
И в доме стихло все. Свиданья ж срок –
Читатель помнит – был еще далек.

55

Теперь я должен – но не знаю, право,
Как оправдать себя во мненье дам?
На их участие потерял я право,
На милость их судьбу свою отдам!
Да, добрая моя страдает слава:
Как вышло то – не понимаю сам, –
Но, в ожиданье сладостного срока,
Я вдруг заснул постыдно и глубоко.

56

Что видел я в том недостойном сне,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что ж могло иное сниться мне,
Как не она, кем сердце полно было?
Уставшая скучать на полотне,
Она меня забвением корила,
И стала совесть так моя тяжка,
Что я проснулся, словно от толчка.

57

В раскаянье, в испуге и в смятенье,
Рукой неверной спичку я зажег;
Предметов вдруг зашевелились тени,
Но, к счастью, спал мой крепко педагог;
Я в радостном увидел удивленье,
Что не прошел назначенный мне срок:
До трех часов – оно, конечно, мало –
Пяти минут еще недоставало.

58

И поспешил скорей одеться я,
Чтоб испукнуть поступок непохвальный;
Держа свечу, дыханье притая,
Тихонько вышел я из нашей спальни;
Но голова кружилась моя,
И сердца стук мне слышался буквально,
Пока я шел через длинный комнат ряд,
На зеркала боясь бросить взгляд.

59

Знал хорошо я все покои дома,
Но в непривычной тишине ночной
Мне все теперь казалось незнакомо;

Мой шаг звучал как будто бы чужой,
И странно так от тени переломы
По сторонам и прямо надо мной
То стлались, то на стену всползали –
Стараясь их не видеть, шел я дале.

60

И вот уже та роковая дверь –
Единый шаг – судьба моя решится, –
Но что-то вдруг неожиданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель-друг, ты верь или не верь –
Мне слышалось: «Не лучше ль воротиться?
Ты не таким из двери выйдешь той,
Каким войдешь с невинной простотой».

61

То ангела ль хранителя был голос?
Иль тайный страх мне на ухо шептал?
Но с опасеньем страсть моя боролась,
А ложный стыд желанье подстрекал.
«Нет! – я решил – и на затылке волос
Мой поднялся, – прийти я обещал!
Какое там ни встречу испытанье,
Мне честь велит исполнить обещанье!»

62

И повернул неверною рукою
Замковую я ручку. Отворилась
Без шума дверь: был сумрачен покой,
Но бледное сиянье в нем струилось;
Хрустальной люстры отблеск голубой
Мерцал в тени, и тихо шевелилась
Подвесок цепь, напоминая мне
Игру росы на листьях при луне.

63

И был ли то обман воображенья
Иль истина – по залу пронеслось
Как свежести какой-то дуновение,
И запах мне почувствовался роз.
Чудесного я понял приближенье,
По телу легкий пробежал мороз,
Но превозмог я скоро слабость эту
И подошел с решимостью к портрету.

64

Он весь сиял, как будто от луны;
Малейшие подробности одежды,
Черты лица все были мне видны,

И томно так приподымались вежды,
И так глаза казались полны
Любви и слез, и грусти и надежды,
Таким горели сдержанным огнем,
Как я еще не видывал их днем.

65

Мой страх исчез. Мучительно-приятно
С томящей негой жгучая тоска
Во мне в один оттенок непонятный
Смешалась. Нет в мире языка
То ощущение передать; невнятно
Мне слышался как зов издалека,
Мне словно мир провиделся надзвездный –
И чуялась как будто близость бездны.

66

И думал я: нет, то была не ложь,
Когда любить меня ты обещала!
Ты для меня сегодня оживешь –
Я здесь – я жду – за чем же дело стало?
Я взор ее ловил – и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробегала,
И ревности огонь, бог весть к кому,
Понятен стал безумью моему.

67

Возможно ль? как? Недвижна ты доселе?
Иль взоров я твоих не понимал?
Иль, чтобы мне довериться на деле,
Тебе кажусь ничтожен я и мал?
Иль я ребенок? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себе стяжал?
Кто он? когда? и по какому праву?
Пускай придет со мною на расправу!

68

Так проходил, средь явственного сна,
Все муки я сердечного пожара...
О бог любви! Ты молод, как весна,
Твои ж пути как мирозданье стары!
Но вот как будто дрогнула стена,
Раздался шип – и мерных три удара,
В ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назад заставили меня.

69

И их еще не замерло дрожанье,
Как изменился вдруг покоя вид:
Исчезли ночь и лунное сиянье,

Зажглися люстры; блеском весь облит,
Казалось, вновь, для бала или собрания,
Старинный зал сверкает и горит,
И было в нем – я видеть мог свободно –
Все так свежо и вместе старомодно.

70

Воскресшие убранство и красу
Минувших дней узнал я пред собою;
Мой пульс стучал, как будто бы несу
Я кузницу в груди; в ушах с прибоем
Шумела кровь; так в молодом лесу
Пернатых гам нам слышится весною;
Так пчел рой, шмелям гудящим в лад,
В июльский зной над гречкою жужжат.

71

Что ж это? сон? и я лежу в постеле?
Но нет, вот раму щупает рука –
Я точно здесь – вот ясно проскрипели
На улице полозья... С потолка
Посыпалась известь; вот в панели
Как будто что-то треснуло слегка...
Вот словно шелком вдруг зашелестило...
Я поднял взор – и дух мне захватило.

72

Все в том же положении, она
Теперь почти от грунта отделялась;
Уж грудь ее, свечьми озарена,
По временам заметно подымалась;
Но отрешить себя от полотна
Она вотще как будто бы старалась,
И ясно мне все говорило в ней:
О, захоти, о, захоти сильнее!

73

Все, что я мог сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремил –
Мой страстный взор живил ее все боле,
И видимо ей прибавлялось сил;
Уже одежда зыблилась, как в поле
Под легким ветром зыблется ковыль,
И все слышней ее шуршали волны,
И вздрагивал цветов передник полный.

74

«Еще, еще! хоти еще сильнее!» –
Так влажные глаза мне говорили;
И я хотел всей страстию моей –

И от моих, казалось, усилий
Свободнее все делалось ей –
И вдруг персты передник упустили –
И ворох роз, покоившийся в нем,
К моим ногам посыпался дождем.

75

Движеньем плавным платье расправляя,
Она сошла из рамы на паркет;
С террасы в сад, дышать цветами мая,
Так девушка в шестнадцать сходит лет;
Но я стоял, еще не понимая,
Она ли то передо мной иль нет,
Стоял, немой от счастья и испуга –
И молча мы смотрели друг на друга.

76

Когда бы я гвардейский был гусар
Или хотя полковник инженерный,
Искусно б мой я выразил ей жар
И комплимент сказал бы ей примерный;
Но не дан был развязности мне дар,
И стало так неловко мне и скверно,
Что я не знал, стоять или шагнуть,
А долг велел мне сделать что-нибудь.

77

И, мой урок припомня танцевальный,
Я для поклона сделал два шага;
Потом взял вбок; легко и натурально
Примкнулась к левой правая нога,
Отвисли обе руки вертикально,
И я пред ней согнулся как дуга.
Она ж, как скоро выпрямил я тело,
Насмешливо мне до полу присела.

78

Но между нас, теперь я убежден,
Происходило недоразуменье,
И мой она классический поклон,
Как видно, приняла за приглашенье
С ней танцевать. Я был тем удивлен,
Но вывести ее из заблужденья
Мешала мне застенчивость моя,
И руку ей, конфузясь, подал я.

79

Тут тихо, тихо, словно издалека,
Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит осока,

Или, когда вечерний меркнет свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета
И вьолончеля звуки и фагота.

80

И вот, держась за руки едва,
В приличном друг от друга расстоянье,
Под музыку мы двинулись сперва,
На цыпочках, в торжественном молчанье.
Но, сделавши со мною тура два,
Она вдруг стала, словно в ожиданье,
И вырвался из свежих уст ея
Веселый смех, как рокот соловья.

81

Поступком сим обиженный немало,
Я взор склонил, достоинство храня,
«О, не сердись, мой друг, – она сказала, –
И не кори за ветреность меня!
Мне так смешно! Поверь, я не встречала
Таких, как ты, до нынешнего дня!
Ужель пылал ты страстью неземною
Лишь для того, чтоб танцевать со мною?»

82

Что отвечать на это – я не знал,
Но стало мне невыразимо больно:
Чего ж ей надо? В чем я оплошал?
И отчего она мной недовольна?
Не по ее ль я воле танцевал?
Так что же тут смешного? И невольно
Заплакал я, ища напрасно слов,
И ненавидеть был ее готов.

83

Вся кровь во мне кипела, негодуя,
Но вот неожиданно, в этот самый миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
К моей щеке ее примкнулся лик;
Мне слышалось: «Не плачь, тебя люблю я!»
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь – она же, с лаской нежной,
Меня к груди прижала белоснежной.

84

Мои смешались мысли. Но не вдруг
Лишился я рассудка и сознания:
Я ощущал объятья нежных рук

И юных плеч живое прикосанье;
Мне сладостен казался мой недуг,
Приятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженством опьянен,
Я погрузился в обморок иль сон...

85

Не помню, как я в этом самом зале
Пришел в себя – но было уж светло;
Лежал я на диване; хлопотали
Вокруг меня родные; тяжело
Дышалось мне, бессвязные блуждали
Понятья врозь; меня – то жаром жгло,
То вздрагивал я, словно от морозу, –
Поблекшую рука сжимала розу...

86

Свиданья был то несомненный след –
Я вспомнил ночь – забилося сердце шибко,
Украдкою взглянул я на портрет:
Вкруг уст как будто зыблилась улыбка,
Казался смят слегка ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкий,
И полный роз передник из тафты
Держали вновь недвижные персты.

Меж тем родные – слышу их как ныне –
Вопрос решали: чем я занемог?
Мать думала – то корь. На скарлатине
Настаивали тетки. Педагог
С врачом упорно спорил по-латыне,
И в толках их, как я расслышать мог,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и *febris cerebrealis*...⁴

Зима 1872 – осень 1873

Сатирические и юмористические стихотворения Благоразумие

Поразмыслив аккуратно,
Я избрал себе дорожку
И иду по ней без шума,
Понемножку, понемножку!

---

⁴ Лунатик и мозговая горячка (лат.). – Ред.

Впрочем, я ведь не бесстрастен,
Я не холоден душою,
И во мне ведь закипает
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидит,
Не спущу я, как же можно!
Из себя как раз я выйду,
Осторожно, осторожно!

Без ума могу любить я,
Но любить, конечно, с толком,
Я готов и правду резать,
Тихомолком, тихомолком!

Если б брат мой захлебнулся,
Я б не стал махать руками,
Тотчас кинулся бы в воду,
С пузырями, с пузырями!

Рад за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я,
Грудью лягу в чистом поле,
Без увечья, без увечья!

Послужу я и в синклите,
Так чтоб ведали потомки;
Но уж если пасть придется —
Так соломки, так соломки!

Кто мне друг, тот друг мне вечно,
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я,
По-австрийски, по-австрийски!

Конец 1853 или начало 1854

[А.М. Жемчужникову]

Вхожу в твой кабинет,
Ищу тебя, бездельник,
Тебя же нет как нет,
Знать, нынче понедельник.

Пожалуй приезжай
Ко мне сегодня с братом:
Со мной откусать чай
И утку с кресс-салатом.

Венгерское вино
Вас ждет (в бутылке ль, в штофе ль –
Не знаю), но давно
Заказан уж картофель.

Я в городе один,
А мать живет на даче,
Из-за таких причин

Жду ужину удачи.

Армянский славный край
Лежит за Араратом,
Пожалуй приезжай
Ко мне сегодня с братом!

1854

«Исполнен вечным идеалом...»

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!

О Феб всесильный! на параде
Услышь мой голос свысока:
Не дай постичь мне, бога ради,
Святой поэзии носка!

5 октября 1856

Весенние чувства необузданного

древнего

Дождусь ли той истории,
Когда придет весна
И молодой цикории
Засветит желтизна!

Уже любовной жаждою
Вся грудь моя горит,
И вспрыгнуть щепка каждая
На щепку норовит.

Земля цветами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки с коровами
В зеленый луг гулять,

И, силой обаятельной
За стадом их влеком,
Готов я бессознательно
Сам сделаться быком!

Февраль 1859

[К.К. Павловой]

Прошу простить великодушно,
Что я, как старый генерал,
В борьбе суровой с жизнью душевной,
Моим посланьем опоздал!
(Сравнение здесь с главою рати,
Без предыдущего звена,
Хоть Вам покажется некстати,
Но рифма мне была нужна.)
Итак, без дальних отступлений,
Желаю Вам на Новый год
Поболе новых вдохновений,
Помене тягостных забот.
Для Вас дай бог, чтоб в этом годе
Взошла счастливая заря!

Р. С.

Со мной о Вашем переводе
Из драмы «Фауст» говоря,
Упомянули Вы недавно
(Серебрулюкий Вас прости!),
Что все бы шло довольно плавно,
Но трудно стих перевести,
Где Фауст, в яром озлобленье,
Кляня все то, что *deus vult*⁵,
Вдруг говорит для заключенья:

---

⁵ Бог хочет (лат.) – Ред.

«Und fluch vor Allem der Geduld!»
Вращаясь в Фебовом синклите,
Быть может, стал я слишком лих,
Но как Вам кажется, скажите,
Нельзя ли тот строптивый стих
(Храня при том с почтеньем эха
Оригинала глубину)
Перевести не без успеха:
«Терпенье глупое клянущу?»

Начало 1860-х годов (?)

Бунт в Ватикане

Взбунтовались кастраты,
Входят в папины палаты:
«Отчего мы не женаты?
Чем мы виноваты?»

Говорит им папа строго:
«Это что за синагога?
Не боитесь вы бога?
Прочь! Долой с порога!»

Те к нему: «Тебе-то ладно,
Ты живешь себе прохладно,
А вот нам так безотрадно,

Очень уж досадно!

Ты живешь себе по воле,
Чай, натер себе мозоли,
А скажи-ка: таково ли
В нашей горькой доле?»

Говорит им папа: «Дети,
Было прежде вам глядети,
Потеряв же вещи эти,
Надобно терпети!

Жалко вашей мне утраты;
Я, пожалуй, в виде платы,
Прикажу из лучшей ваты
Вставить вам заплаты!»

Те к нему: «На что нам вата?
Это годно для халата!
Не мягка, а жестковата
Вещь, что нам нужна-то!»

Папа к ним: «В раю дам место,
Будет каждому невеста,
В месяц по два пуда теста.
Посудите: вес-то!»

Те к нему: «Да что нам в тесте,
Будь его пудов хоть двести,
С ним не вылепишь невесте

То, чем жить с ней вместе!»

«Эх, нелегкая пристала! –
Молвил папа с пьедестала, –
Уж коль с воза что упало,
Так пиши: пропало!

Эта вещь, – прибавил папа, –
Пропади хоть у Приапа,
Нет на это эскулапа,
Эта вещь – не шляпа!

Да и что вы в самом деле?
Жили б вы в моей капелле,
Под начальством Антонелли,
Да кантаты пели!»

«Нет, – отвечают кастраты, –
Пий ты этакий девятый,
Мы уж стали сиповаты,
Поючи кантаты!

А не хочешь ли для дива
Сам пропеть нам «Casta diva»?
Да не грубо, а пискливо,
Тонко особливо!»

Испугался папа: «Дети,
Для чего ж мне тонко пети?
Да и как мне разумети

Предложенья эти?»

Те к нему: «Проста наука,
В этом мы тебе порука,
Чикнул раз, и вся тут штука –
Вот и бритва! Ну-ка!»

Папа ж думает: «Оно-де
Было б даже не по моде
Щеголять мне в среднем роде!»
Шлет за Де-Мероде.

Де-Мероде ж той порою,
С королем готовясь к бою,
Занимался под горою
Папской пехтурою:

Все в подрясниках шелковых,
Ранцы их из шкурок новых,
Шишек полные еловых,
Сам в чулках лиловых.

Подбегает Венерати:
«Вам, – кричит, – уж не до рати!
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!»

Искушенный в ратном строе,
Де-Мерод согнулся втрое,
Видит, дело-то плохое,

Молвит: «Что такое?»

Повторяет Венерати:

«Вам теперь уж не до рати,
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!»

Вновь услышав эту фразу,
Де-Мероде понял сразу,
Говорит: «Оно-де с глазу;
Слушаться приказу!»

Затрубили тотчас трубы,
В войске вспыхнул жар сугубый,
Так и смотрят все, кому бы
Дать прикладом в зубы?

Де-Мероде, в треуголке,
В рясе только что с иголки,
Всех везет их в одноколке
К папиной светелке.

Лишь вошли в нее солдаты,
Испугались кастраты,
Говорят: «Мы виноваты!
Будем петь без платы!»

Добрый папа на свободе
Вновь печется о народе,
А кастратам Де-Мероде

Молвит в этом роде:

«Погодите вы, злодеи!
Всех повешу за... я!»
Папа ж рек, слегка краснея:
«Надо быть умнее!»⁶

И конец настал всем спорам;
Прежний при дворе декорум,
И пищат кастраты хором
Вплоть ad finem seculorum!..⁷

Февраль-март 1864

[Б.М. Маркевичу]

---

⁶ Вариант для дам:

А кастратам Де-Мероде
Молвит в этом роде:
«Всяк, кто в этот бунт замешан,
Заслужил бы быть повешен!»
Папа ж рек, совсем утешен:
«Я один безгрешен!»

⁷ До скончания веков (лат.). – Ред.

Ты, что, в красе своей румяной,
Предмет восторженной молвы,
Всегда изящный, вечно рьяный,
Цветешь на берегах Невы,

Когда к тебе недавно, сдуру,
Я обратил наивный зов
Держать из дружбы корректуру
Моих неизданных стихов,

Едва их удостоив взгляда,
Должно быть полусонный, ты
С небрежной ленью Алкивьяда
Переворачивал листы.

Сменив Буткова на Каткова,
Отверг ты всякий ложный стыд.
Тебе смысл здравый не окова,
Тебя нелепость не страшит.

И я, тобою искаженный,
С изнеможением в кости,
Спешу, смиренный и согбенный,
Тебе спасибо принести;

Для каждого стиха errata⁸

---

⁸ Опечатки (лат.). – Ред.

С утра до вечера пишу,
С супружней кротостью Сократа
Твою ксантипность я сношу.

Ругню, вранье, толчки, побои
Приняв, безропотно стою,
Смиренно под твои помои
Склоняю голову мою,

И в благодарности не шаток,
И твердо веря в связь сердец,
Плету тебе из опечаток
Неувядаемый венец.

Они, роскошные, как злаки,
Пестрят читающего путь –
Подобно им, отличья знаки
Твою да испещряют грудь,

И да цветут твои потомки,
На удивление стране,
Так многочисленны, так громки,
Так полновесны, как оне!

1 мая 1867

[Графу Д.А. Толстому]

Бисмарк, сидючи в Берлине,
Пишет Австрии устав,
Бонапарт, в своей рутине,
Непреклонный кажет нрав;
Говорят, что будто ныне
Кто настойчив, тот и прав;
И по этой-то причине,
Перед вами ниц упав,
Вновь молю вас: о Щербине
Не забудьте, милый граф!

1867

[Ф.К. Мейендорфу]

Барон, тебе, делившему
Дни римские с певцом,
Тебе, переломившему
Копье с святым отцом,

Тебе, в palazzo Geoli⁹

---

⁹ Во дворце Джоли (итал.). – Ред.

Привыкшему витать,
Не слишком будет смело ли
Поднести сию тетрадь?

Но в скуки час томительный,
Признайся (хи, хи, хи!),
Ты сам, превосходительный,
Пописывал стихи?

Итак, мое послание
И дружеский поклон
До нашего свидания
Я шлю тебе, барон.

1867

История государства российского от Гостомысла до Тимашева

*Вся земля наша
велика и обильна, а
порядка в ней нет.*

**Нестор, летопись,
стр. 8**

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить».

4

«Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,

Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!»

6

«Мы вам отсыпем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка –
Пойдем, коли зовут!»

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят – земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

«Ну, – думают, – команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort»¹⁰.

10

Но братец старший Рюрик
«Постой, – сказал другим, –
Fortgeh'n war' ungebührlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm»¹¹.

---

¹⁰ Ведь это позор – мы должны убраться прочь (нем.). – Ред.

¹¹ Уйти было бы неприлично, может быть, это не так уж плохо (нем.). – Ред.

11

«Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal»¹².

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein groper Krieger¹³
И умный человек.

---

¹² Мы справимся, давайте попробуем (нем.). – Ред.

¹³ Это был великий воин (нем.). – Ред.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge¹⁴
Языческих держав.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte fur immer
Die alte Religion¹⁵.

16

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Иордань.

---

14 Такова была последовательность (нем.). – Ред.

15 Тогда пришел конец старой религии (нем.). – Ред.

17

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

18

Послал он за попами
В Афины и Царыград.
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре

Великий Ярослав.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары:
«Ну, – думают, – не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем!»

25

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата –
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,

Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы безопасно
При этаким царе;
Но ах! ничто не вечно –
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулись поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки

Горюем на мели.

43

Прямые были страсти –
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далеко не уйдешь.

44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

46

Свершилось то летом;
Но был ли уговор –
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна –
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..»

51

«Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку

Полезно ревеню.

54

Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, da... Gott erbarm!¹⁶

58

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, –

---

¹⁶ Помилуй бог! (нем.). – Ред.

Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот», –

61

«Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

62

«Messieurs, – им возразила
Она, – vous me comblez»¹⁷, –
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

---

¹⁷ Господа, вы слишком добры ко мне (франц.). – Ред.

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Desire.

67

В то время очень сильно

Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In cogroge¹⁸, сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

---

¹⁸ В полном составе (лат.). – Ред.

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картине живописной
Противостать не мог.

76

Лиризм, на все способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Мое усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что все хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев –
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бранных сих листах
Не дописах поспешно

Или переписах,

82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

83

Составил от былинки
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

1868

«Стасюлевич и Маркевич...»

Стасюлевич и Маркевич
Вместе побранились;
Стасюлевич и Маркевич
Оба осрамялись.

«Ты поляк, – гласит Маркевич, –
В этом я уверен!»
Отвечает Стасюлевич:
«Лжешь как сивый мерин!»

Говорит ему Маркевич:
«Судишь ты превратно!»
Отвечает Стасюлевич:
«То донос печатный!»

Размышляет Стасюлевич:
«Классицизм нам кстати ль?»
Говорит ему Маркевич:
«Стало, ты предатель!»

Октябрь (?) 1869

«Как-то Карп Семенович...»

Как-то Карп Семенович
Сорвался с балкона,
И на нем суконные
Были панталоны.

Ах, в остережение
Дан пример нам оный:

Братья, без медления
Снимем панталоны!

22 декабря 1869

«Рука Алкида тяжела...»

Рука Алкида тяжела,
Ужасны Стимфалидов стаи,
Смертельна Хирона стрела,
Широко лоно Пазифаи.

Из первых Аристокитон
С Гармодием на перекличке,
И снисходительно Платон
Их судит странные привычки.

Гомера знали средь Афин
Рабы и самые рабыни,
И каждый римский гражданин
Болтал свободно по-латыни.

22 декабря 1869

Медицинские стихотворения «Доктор божией коровке...»

Доктор божией коровке
Назначает рандеву,
Штуки столь не видел ловкой
С той поры, как я живу,
Ни во сне, ни наяву.
Веря докторской сноровке,
Затесалась в траву
К ночи божия коровка.
И, припасши булаву,
Врач пришел на рандеву.
У скалы крутой подножья
Притаясь, коровка божья
Дух не смеет перевести,
За свою страшится честь.

Дщери нашей бабки Евы!
Так-то делаете все вы!
Издали: «Mon coeur, mon tout»¹⁹, –
А пришлось начистоту,
Вам и стыдно, и неловко;
Так и божия коровка –
Подняла внезапно крик:

---

¹⁹ Сердце мое, жизнь моя (франц.). – Ред.

«Я мала, а он велик!»
Но, в любви не зная шутки,
Врач сказал ей: «Это дудки!
Мне ведь дело не ново,
Уж пришел я, так того!»

Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалось встарь)
Обратилась божья тварь.
Грянул гром. В его компанье
Разлилось благоуханье –
И домой, не бегом, вскачь,
Устрашась, понесся врач,
Приговаривая: «Ловко!
Ну уж божия коровка!
Подстрекнул меня, знать, бес!»
– Сколько в мире есть чудес!

Октябрь (?) 1868

«Навозный жук, навозный жук...»

Навозный жук, навозный жук,
Зачем, среди вечерней тени,
Смущает доктора твой звук?
Зачем дрожат его колени?

О врач, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышит повесть?
Какого ропот живота
Тебе на ум приводит совесть?

Лукавый врач, лукавый врач!
Трепещешь ты не без причины –
Припомни стон, припомни плач
Тобой убитой Адольфины!

Твои уста, твой взгляд, твой нос
Ее жестоко обманули,
Когда с улыбкой ты поднес
Ей каломельные пилюли...

Свершилось! Памятен мне день –
Закат пылал на небе грозном –
С тех пор моя летает тень
Вокруг тебя жуком навозным...

Трепещет врач – навозный жук
Вокруг него, в вечерней тени,
Чертит круги – а с ним недуг,
И подгибаются колени...

Ноябрь (?) 1868

«Верь мне, доктор (кроме шутки!)...»

«Верь мне, доктор (кроме шутки!), –
Говорил раз пономарь, –
От яиц крутых в желудке
Образуется янтарь!»

Врач, скептического склада,
Не любил духовных лиц
И причетнику в досаду
Проглотил пятьсот яиц.

Стон и вопли! Все рыдают,
Пономарь звонит сплеча –
Это значит: погребают
Вольнодумного врача.

Холм насыпан. На рассвете
Пир окончен в дождь и грязь,
И причетники мыслете
Пишут, за руки схватясь.

«Вот не минули и сутки, –
Повторяет пономарь, –
А уж в докторском желудке
Так и сделался янтарь!»

Ноябрь (?) 1868

Берестовая будочка

В берестовой сидя будочке,
Ногу на ногу скрестив,
Врач наигрывал на дудочке
Бессознательный мотив.

Он мечтал об операциях,
О бинтах, о ревене,
О Венере и о грациях...
Птицы пели в вышине.

Птицы пели и на тополе,
Хоть не ведали о чем,
И внезапно все захлопали,
Восхищенные врачом.

Лишь один скворец завистливый
Им сказал как бы шутя:
«Что на веточках повисли вы,
Даром уши распустья?»

Песни есть и мелодичнее,
Да и дудочка слаба, –
И врачу была б приличнее
Оловянная труба!»

Между 1868 и 1870

«Муха шпанская сидела...»

Муха шпанская сидела
На сиреневом кусте,
Для таинственного дела
Доктор крался в темноте.

Вот присел он у сирени;
Муха, яд в себе тая,
Говорит: «Теперь для мщенья
Время вылучила я!»

Уязвленный мухой больно,
Доктор встал, домой спеша,
И на воздухе невольно
Выкидает антраша.

От людей ночные тени
Скрыли доктора полет,
И победу на сирени
Муха шпанская поет.

Между 1868 и 1870

«Угораздило кофейник...»

Угораздило кофейник
С вилкой в роще погулять.
Набрели на муравейник;
Вилка ну его пырять!
Расходилась: я храбра-де!
Тычет вдоль и поперек.
Муравьи, спасенья ради,
Поползли куда кто мог;
А кофейнику потеха:
Руки в боки, кверху нос,
Надседается от смеха:
«Исполати! Аксиос!
Веселися, храбрый росс!»
Тут с него свалилась крышка,
Муравьев взяла одышка,
Все отчаялись – и вот –
Наползли к нему в живот.
Как тут быть? Оно не шутки:
Насекомые в желудке!
Он, схватившись за бока,
Пляшет с боли трепака.
Поделом тебе, кофейник!
Впредь не суйся в муравейник,
Не ходи как ротозей,
Умеряй характер пылкий,
Избирай своих друзей

И не связывайся с вилкой!

Ноябрь (?) 1868

Послания к Ф.М. Толстому

1

Вкусив елей твоих страниц
И убедившись в их силе,
Перед тобой паду я ниц,
О Феофиле, Феофиле!

Дорогой двойственной ты шел,
Но ты от Януса отличен;
Как государственный орел,
Ты был двуглав, но не двуличен.

Твоих столь радужных цветов
Меня обманывала призма,
Но ты возрек – и я готов
Признать тиранство дуализма;

Сомкнем же наши мы сердца,
Прости упрек мой близорукий –
И будь от буйного стрельца
Тобой отличен Долгорукий!

Декабрь 1868

2

Красный Рог, 14 января 1869

В твоём письме, о Феофил
(Мне даже стыдно перед миром),
Меня, проказник, ты сравнил
Чуть-чуть не с царственным Шекспиром!

О Ростислав, такую роль,
Скажи, навязывать мне кстати ль?
Поверь, я понимаю соль
Твоей иронии, предатель!

Меня насмешливость твоя
Равняет с Лессингом. Ужели
Ты думал, что серьезно я
Поверю этой параллели?

Ты говоришь, о Феофил,
Что на немецком диалекте
«Лаокоона» он хвалил,
Как я «Феодора» в «Проекте»?

Увы, не Лессинг я! Зачем,
Глумясь, равнять пригорок с Этной?
Я уступаю место всем,
А паче братии газетной.

Не мню, что я Лаокоон,
Во змей упершийся руками,
Но скромно зрю, что осажден
Лишь дождевыми червяками!

Потом – подумать страшно – ах!
Скажи, на что это похоже?
Ты рассуждаешь о властях
Так, что мороз дерет по коже!

Подумай, ведь письмо твое
(Чего на свете не бывает!)
Могло попасть к m-г Veillot,
Который многое читает.

Нет, нет, все это дребедень!
Язык держать привык я строго
И повторяю каждый день:
Нет власти, аще не от бога!

Не нам понять высоких мер,
Творцом внушаемых вельможам,
Мы из истории пример
На этот случай выбрать можем:

Перед Шуваловым свой стяг
Склонял великий Ломоносов –
Я ж друг властей и вечный враг
Так называемых вопросов!

«Сидит под балдахином...»

Сидит под балдахином
Китаец Цу-Кин-Цын
И молвит мандаринам:
«Я главный мандарин!

Велел владыко края
Мне ваш спросить совет:
Зачем у нас в Китае
Досель порядка нет?»

Китайцы все присели,
Задами потрясли,
Гласят: «Затем доселе
Порядка нет в земли,

Что мы ведь очень млады,
Нам тысяч пять лишь лет;
Затем у нас нет складу,
Затем порядку нет!

Клянемся разным чаем,

И желтым и простым,
Мы много обещаем
И много совершим!»

«Мне ваши речи милы, —
Ответил Цу-Кин-Цын, —
Я убеждаюсь силой
Столь явственных причин.

Подумаешь: пять тысяч,
Пять тысяч только лет!»
И приказал он высечь
Немедля весь совет.

Апрель (?) 1869

Песня о Каткове, о Черкасском, о Самарине, о Маркевиче и о арапах

1

Друзья, ура единство!
Сплотим святую Русь!
Различий, как бесчинства,
Народных я боюсь.

2

Катков сказал, что, дискать,
Терпеть их – это грех!
Их надо тискать, тискать
В московский облик всех!

3

Ядро у нас – славяне;
Но есть и вотяки,
Башкирцы, и армяне,
И даже калмыки;

4

Есть также и грузины
(Конвоя цвет и честь!),
И латыши, и финны,
И шведы также есть;

5

Недавно и ташкентцы
Живут у нас в плену;

Признаться ль? Есть и немцы
Но это: *entre nous!*²⁰

6

Страшась с Катковым драки,
Я на ухо шепну:
У нас есть и поляки,
Но также: *entre nous;*

7

И многими иными
Обилен наш запас;
Как жаль, что между ними
Арапов нет у нас!

8

Тогда бы князь Черкасской,
Усердием велик,
Им мазал белой краской
Их неуказный лик;

---

²⁰ Между нами! (франц.). – Ред.

9

С усердьем столь же смелым,
И с помощью воды,
Самарин тер бы мелом
Их черные зады;

10

Катков, наш герцог Алба,
Им удлинял бы нос,
Маркевич восклицал бы:
«Осанна! Аксиос!»

Апрель или май 1869

Мудрость жизни

1

Если хочешь быть майором,
То в сенате не служи,
Если ж служишь, то по шпорам

Не вздыхай и не тужи.

2

Будь доволен долей малой,
Тщись расходов избегать,
Руки мой себе, пожалуй,
Мыла ж на ноги не трать.

3

Будь настойчив в правом споре,
В пустяках уступчив будь,
Жилься докрасна в запоре,
А поноса вспять не нудь.

4

Замарав штаны малиной
Иль продрав их назад,
Их сымать не смей в гостиной,
Но в боскетную поди.

5

Если кто невольным звуком
Огласит твой кабинет,
Ты не вскакивай со стуком,
Восклищая: «Много лет!»

6

Будь всегда душой обеда,
Не брани чужие щи
И из уха у соседа
Дерзко ваты не тащи.

7

Восхищаяся соседкой,
По груди ее не гладь
И не смей ее салфеткой
Потный лоб свой обтирать.

8

От стола коль отлучиться
Повелит тебе нужда,
Тем пред дамами хвалиться
Ты не должен никогда.

9

Коль сосед болит утробой,
Ты его не осуждай,
Но болящему без злобы
Корша ведомость подай.

10

Изучай родню начальства,
Забавлять ее ходи,
Но игривость до нахальства
Никогда не доводи:

11

Не проси у тещи тряпки
Для обтирки сапогов
И не спрашивай у бабки,
Много ль есть у ней зубов?

12

Помни теток именины,
Чти в кузинах благодать
И не вздумай без причины

Их под мышки щекотать.

13

Будь с невестками попроще,
Но приличия блюди
И червей, гуляя в роще,
Им за шею не клади.

14

Не зови за куст умильно
Дочерей на пару слов
И с племянницы насильно
Не тащи ее чулков.

15

На тебя коль смотрят люди,
Не кричи: «Катай-валяй!»
И кормилицыной груди
У дити не отбивай.

16

Всем девицам будь отрада,
Рви в саду для них плоды,
Не показывай им зада
Без особенной нужды.

17

Проводя в деревне лето,
Их своди на скотный двор:
Помогает много это
Расширять их кругозор;

18

Но, желаньем подстрекаем
Их сюрпризом удивить,
Не давай, подлец, быка им
В виде опыта доить.

19

Также было б очень гадко
Перст в кулак себе совать
Под предлогом, что загадка
Им дается отгадать.

20

Вообще знай в шутках меру,
Сохраняй достойный вид,
Как прилично офицеру
И как служба нам велит.

21

Если мать иль дочь какая
У начальника умрет,
Расскажи ему, вздыхая,
Подходящий анекдот;

22

Но смотри, чтоб ловко было,
Не рассказывай, грубя:
Например, что вот кобыла
Также пала у тебя;

23

Или там, что без потерей
Мы на свете не живем
И что надо быть тетерей,

Чтоб печалиться о том;

24

Потому что, если пылок
Твой начальник и сердит,
Проводить тебя в затылок
Он курьеру повелит.

25

Предаваясь чувствам нежным,
Бисер свиньям не мечи –
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Вторая половина 1870

Ода на поимку Таирова

Царицын луг. Солнце светит во всем своем
блеске. Хор дворян, купечества, мещан и почетных
граждан.

Хор

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали –
Ему отрежут нос!

Один дворянин

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
Не раз злодей Таиров
Пугал собою дам.

Один купец 1-й гильдии

С осанкой благородной,
Бродя средь наших стен,
Таиров ...
Показывал нам ...!

Хор

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали –
Ему отрежут нос!

Купец 2-й гильдии

«Друзья мои, – к совету,